

пиризм, как не обнимающий собою всего абсолютного содержания и как не понимающий его, не способен к удовлетворению требований мыслящего духа и не может быть назван философией. Наконец, сознав, что всякое знание, начиная от обыкновенного сознания и до самого эмпиризма, не останавливается на единичностях, отвлекает от них, как от ничтожных и неистинных, и возвышается к всеобщим и необходимым законам, проявляющимся в них, как к единственно истинным и существенным, — мы кончили заключением, что если нет другого знания, кроме эмпирического, и что если невозможно такое знание а priori, которое бы чистым, имманентным развитием своим обнимало все законы как физического, так и духовного мира, то философское абсолютное знание невозможно, и предоставили разрешение этого последнего вопроса, вопроса о возможности философии, самостоятельному и необходимому развитию самого сознания. Итак, обратимся теперь к последнему.

Сознание есть отношение духа к другому, к познаваемому предмету. Но отношение к другому предполагает различие от другого; познающее *я различает себя* от внешнего, предметного ему мира; но различение себя от другого предполагает различение себя от себя, и сознание предполагает *самосознание*. Чистое, познающее себя *я* сознает предметный ему мир; оно знает о себе и сознает вместе и другое — и это другое есть для него истина. Если мое знание о предмете не будет соответствовать ему, если субъект (познающее *я*) не будет соответствовать объекту (познаваемому предмету), то мое знание будет ложно; и потому не предмет должен соотнобразяться с моим *я*, но обратно — последнее, как истинное, должно соотнобразяться с первым, как с истинным.

Первая степень сознания есть *чувственная достоверность* (sinnliche Gewissheit), непосредственное сознание чувственных единичных предметов: этого стола, этого дома, этого дерева и т. д. Для чувственной достоверности истина заключается в многообразии чувственных предметов, пребывающих во внешности. Я, этот единичный субъект, вижу этот стол, и он есть для меня несомненная истина. Что эта безграничная вера в истину чувственного единичного бытия и действительно составляет неотъемлемую принадлежность сознания, может быть доказано тем, что большая часть людей скорее готова сомневаться в истине и действительности мысли, чем подвергнуть сомнению истину конечного, чувственного мира; сомнение в действительности чувственных предметов покажется нелепостью и сумасшествием тем, которые в то же самое время нисколько не удивятся выводу и объяснению мысли из чувственного бытия. Материализм XVIII века доказывает возможность этого странного явления.

Но для того, чтоб поверить истину чего бы то ни было, должно иметь всеобщую мерку истины, и, верно, никто не станет противоречить нам, если мы скажем, что истина должна быть: 1) *всеобщее* (что истинно только для меня, а не для всех, то не имеет права на название истины); 2) *неизменяемое и непреходящее*. Все же не соответствующее этим трем условиям истины есть ложь и призрак. Теперь обратимся к чувственной достоверности. Она имеет предметом бесконечное многообразие чувственных единичностей; но мы видели, что непосредственное созерцание, как ограниченное пространством и временем, не в состоянии охватить всего бесконечного многообразия чувственного мира; кроме этого, оно не может выговорить своего единичного предмета и не в состоянии удержать его; не может выговорить его, потому что, какое бы выражение оно ни употребило для определения предстоящего ему единичного предмета, выражение этого выговорит только *всеобщее*, принадлежащее не единственно только ему, но множеству других подобных предметов, а потому и не выразит его индивидуальной особенности. Слово¹ как непосредственное выражение единого, всеобщего, а не единичного духа выговаривает только существенное и переносит все непосредственно единичное в область всеобщего; оно есть всеобщее достояние, всеобщая среда, в которой все единичные, друг от друга различные индивиды понимают друг друга, и перестало бы ею быть, если б вместо всеобщих определений, доступных всем единичным индивидам и принадлежащих равно всем единичным предметам, оно стало бы выговаривать единичные созерцания единичных индивидов или единичные определения, исключительно принадлежащие единичным предметам. Тогда б языков было бы столько же, сколько единичных индивидов или созерцаний: вавилонское столпотворение, в котором понимать друг друга было бы невозможно и в котором разрушилось бы великое царство разумного, всеобщего духа, составляющего существо человека и различающего его от бессловесного животного. Слово разумно

¹ Примечательна судьба бакунинских занятий гегелевской трактовкой чувственной достоверности, и особенно идеи ее «выговариваемости» в слове; через два с лишним десятилетия Бакунин вернется к этой концепции, но уже как материалист.